

Воспоминания Г. П. Самсонова

Помещаемые ниже воспоминания Г. П. Самсонова составляют лишь несколько страниц из его дневника, который он вёл много лет. Покойный генерал от инфантерии Самсонов прослужил в офицерских чинах свыше 60 лет, и его записки, относящиеся главным образом к первой половине XIX столетия, представляют, несмотря на свою отрывочность, довольно ценный материал для характеристики военных нравов того времени. Нельзя не выразить сожаления, что пожар в усадьбе семейства покойного уничтожил его полный дневник.

Последние годы своей жизни (1892—1896) покойный Г. П. состоял директором Михайловской военной богадельни.

с. 923

I. Мои предки. — Жизнь отца. — Моё детство. — Школьные годы. — Влияние польской войны на мою судьбу.

Род Самсоновых принадлежит к древней русской дворянской фамилии. Положительных и подробных сведений о представителях этого рода за более отдалённый период, за XVI—XVII столетия, очень немного, так как большинство Самсоновых вели скромную жизнь землевладельцев, занимаясь устройством своих вотчин и их населения, поэтому, конечно, не могли быть отмечены современниками. Некоторые из них, очевидно, всё-таки служили, так как одному из Самсоновых были пожалованы царём Алексеем Михайловичем за заслуги вотчины в нынешней Владимирской губернии.

с. 924

Переходя поэтому от далёкого прошлого к временам более близким, я начинаю мои воспоминания с отца.

Отец мой, Пётр Александрович, в 70-х годах XVIII столетия был записан в лейб-гвардии Измайловский полк, но, увлекаемый нашей прирождённой привязанностью к деревенской жизни, он по достижении совершеннолетия добился назначения адъютантом к князю Алексею Ивановичу Горчакову, командовавшему дивизией, расквартированной в Залесском уезде, где находились наши имения.

Это назначение давало Петру Александровичу возможность и служить и предаваться своему любимому занятию — сельскому хозяйству. С уходом дивизии из Залесского уезда Пётр Александрович, верный себе, вышел в отставку и уже до конца жизни служил только по выборам, занимая должности предводителя дворянства (последовательно в нескольких уездах Владимирской губернии), попечителя училищ и так далее.

В тяжёлые годы начала текущего столетия местное дворянство избрало моего отца тысячным начальником милиции. Между прочим, в оригинальном мундире, присвоенном этой должности (светло-зелёного цвета, с алым воротником, белым плюмажем и зелёным пером на шляпе и с одной полковничьей эполетой на правом плече), отец мой (тогда уже генерал) имел счастье представляться с тремя сыновьями императору Александру II во время его коронации.

В 1796 году П. А. Самсонов сочетался браком с девицей Анной Александровной Исленьевой, родной сестрой Николая Александровича Исленьева, прослужившего в Преображенском полку от нижнего чина до командира полка включительно.¹ Исленьев этот известен ещё и по следующему обстоятельству.

*Самсонов, Г. П. Воспоминания Г. П. Самсонова / Г. П. Самсонов // *Исторический вестник*. — 1901. — № 86, декабрь. — С. 923—938.

¹Н. А. Исленьев, впоследствии генерал-адъютант, член Александровского комитета о раненых.

В Зимнем дворце имеется картина, изображающая тот момент печального и вместе с тем высоко знаменательного дня 14 декабря 1826 года, когда государь император вызвал на Дворцовую площадь 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка и, подав руку моему дяде Исленьеву, изволил спросить:

— Отвечаешь ли ты за своих?

— Как за самого себя, ваше величество, — отвечал, приложив руку к груди, верный слуга.

с. 925

От брака П. А. с девицею Исленьеву родилось 7 человек детей — 4 дочери и 3 сына. Все мы сперва воспитывались дома, а затем два старшие мои брата, Александр и Евгений, поступили в Царскосельский лицей, а я в Московский университетский благородный пансион. Товарищами моими по пансиону были одни дворянские сынки и очень много донских казаков. Последних, впрочем, я затрудняюсь назвать своими товарищами, так как большинство казаков приезжало в пансион не только взрослыми, но даже средних лет. У одного моего, например, соученика, казака Курнакова, были оставлены, говорит, на Дону жена и дети. Кроме того, несмотря на своё великовозрастие, казаки удовлетворялись первоначальным образованием и выходили из пансиона года за два, за три до окончания курса, не многому, конечно, научившись, а наименее иностранным языкам, которые давались им особенно трудно. Странно было видеть среди нас, детворы, серьёзные фигуры этих давно перешедших ученический возраст сынов широкого Дона, и ещё страннее было бы считать их нашими товарищами.

Благодаря ли хорошей домашней подготовке или способностям вообще, но учение мне давалось легко. В те времена ученики принимались в пансион в зависимости от знаний, выяснившихся на приёмных экзаменах, по различным предметам — в различные классы. Я, например, по иностранным языкам попал в 4-й класс, по географии и истории во 2-й, а по остальным предметам в 1-й младший класс. Всех классов было 6-ть. Кажется, года через два после моего поступления это разноклассие было уничтожено, и я перешёл по всем предметам в 3-й класс 3-м учеником. Учение моё шло успешно до 6-го класса, но в этом последнем классе пансиона резко изменилось. Виноваты, как это ни странно, были поляки. По объявлении войны с ними у всей молодёжи закипел воинственный дух. Мне было 16 лет, и, конечно, этот вихрь захватил и меня в ущерб учению. Проведший детство в деревне при хороших условиях, я был здоровый, крепко сложенный юноша и к тому же с 7 лет привык сидеть на лошади. Эти данные поселили во мне уверенность, что трудности похода я перенесу легко и на поле брани с честью поддержу своё имя. Энтузиазм мой поддерживался ещё более сознанием, что оба мои брата готовятся со своими частями к выступлению на театр военных действий.

Одним словом, я решил бесповоротно, что, развязавшись с выпускными экзаменами, немедленно отправляюсь на войну. Но, к сожалению, моим мечтам не суждено было осуществиться, и я остался в проигрыше во всех отношениях. Чем ближе к экзаменам, тем хуже я занимался и в результате выдержал их плохо. Меня выпустили не с чином X-го класса, а лишь XIV-го.

с. 926

Тяжело было являться таким чиновником в родную семью, где привыкли рассчитывать, что во всяком случае я буду выпущен одним из первых. При этих условиях о войне нечего было и думать. На мои горячий мольбы — пустить меня волонтером — получился категорический отказ и отца и матери. Кроме того, мои родители, неприятно поражённые такой переменой в прилежном и хорошо учившемся юноше, решили продержать меня для исправления в деревне.

Братья ушли на войну; старший — Александр, окончивший Царскосельский лицей, юнкером Ямбургского уланского полка, а средний — Евгений, не кончивший лицея и перешедший в школу гвардейских подпрапорщиков, отправился юнкером лейб-гвардии Преображенского полка. С этим братом, который был старше меня всего на 1½ года, я поддерживал оживлённую переписку, ещё более приводившую меня в уныние.

II. Жизнь в Санкт-Петербурге. — Школа гвардейских подпрапорщиков. — Встреча с великим князем Михаилом Павловичем и его отношения ко мне. — Игры с августейшими детьми.

В деревне отец продержал меня целый год, рассчитывая, что я успокоюсь, оставлю свои воинственные замыслы и серьёзно займусь подготовкой к служебной карьере.

Наконец, в 1831 году меня отправили в Санкт-Петербург для приготовления к военным наукам, так как решили, что я, плохо кончивший пансион, к гражданской службе не пригоден. Наставниками моими в Санкт-Петербурге были артиллерии капитан Майков и инженерный

поручик Костомаров. По возвращении из похода, дядя мой, командир Преображенского полка Исленьев, назначил для обучения меня фронту опытного ефрейтора Андрея Иванова.

Принялся я за дело энергично, не позволяя себе развлекаться прелестями заманчивой для провинциала столичной жизни. Впрочем, вернувшиеся с войны братья, награждённые уже орденами, часто возбуждали мою зависть и тем самым уменьшали моё рвение к мирным, монотонным занятиям. Тем не менее, в 1832 г. я выдержал экзамен в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров и по желанию дяди моего Исленьева облёкся в форму лейб-гвардии Преображенского полка.

Через недели три после моего поступления в школу, начальник её, генерал-майор Шлиппенбах, признал меня настолько подготовленным, что я удостоился чести быть посланным вестовым к строгому и взыскательному великому князю Михаилу Павловичу. Встреча эта имела громадное значение в моей жизни. Великий князь полюбил меня с первого раза и всю жизнь относился ко мне особенно хорошо, постоянно отмечая меня по службе. После первого моего представления его высочеству, впоследствии меня неоднократно посылали в знак отличия на игры и к наследнику цесаревичу Александру Николаевичу и к великим князьям, дочерям великого князя.

В школе дело шло своим чередом. Между прочим, на меня почему-то очень часто пригонялись новые мундиры и амуниция, что порядком таки надоедало. В 1833 году я был назначен старшим унтер-офицером и начальником 6-го отделения. Его высочество сам надевал нам серебряные темляки. В старое время, хотя оно и было время утонченной строгости, доходящей до педантизма, жилось и служилось как-то проще, легче. Всё было ясно. Не надо было измышлять, каким бы образом сделать хорошую карьеру, а для достижения её следовало только служить честно и благородно на своём посту. Так называемых «карьеристов» тогда как-то не было. Идеал подпрапорщика не шёл дальше эполет прапорщика, идеал прапорщика — дальше эполет подпоручика. Великий князь Михаил Павлович был примером для всех и во всех отношениях. Кто не знал его доброго сердца, его справедливого отношения и к старшим и к младшим и, наконец, его безграничной и непоколебимой преданности своему монарху? Строго держал великий князь всех, взыскивал за самые незначительные провинности и в особенности со своих любимцев, чтобы все знали, что на службе любимцев нет и не должно быть. Мне, как любимцу, попадало очень часто и за это я очень благодарен. Вёл он нас по честному гражданскому пути, и все мы это сознавали. Если и случалась иногда со стороны великого князя взыскательность ошибочная, то она никогда не возбуждала ропота в сердцах. Никто даже не обсуждал его распоряжений — так беззаветно ему верили, и такую любовь к себе поселил он среди нас своими поступками. Правда, если великому князю приходилось сознавать свою ошибку, он немедленно её исправлял, отнюдь не признавая себя непогрешимым.

У меня сохранилось в памяти несколько примеров тогдашней служебной строгости, вызывавшей взыскания за поступки, на которые теперь не обратили бы, пожалуй, и внимания. Помню, например, в 1834 году, перед производством моим в офицеры, была назначена репетиция парада, предстоявшего по случаю освящения колонны в память императора Александра I. Репетиций парада всегда бывало много; всё начальство пересмотрит, а часто и великий князь. На этот раз его высочество лично проверял готовность к параду военно-учебных заведений, а потому и на нашей репетиции присутствовал.

Подпрапорщики составляли первый дивизион батальона. Двинулись мы с места с барабанным боем; всё шло хорошо, но когда заиграла музыка, дивизион сбился с ноги. Я был за левым флангом и, желая помочь, стал сзади подсчитывать: «правой — левой, правой — левой», и, вероятно, при происшедшей неурядице делал какие-нибудь движения, не предусмотренные уставом.

Когда нас остановили, генерал Шлиппенбах подъехал к правому флангу и сказал что-то моему товарищу, унтер-офицеру Голицыну, упомянув мою фамилию. По возвращении в школу Голицын передал мне, что генерал на меня сердит и приказал явиться к нему. Являюсь.

— Нет! Это — не тот Самсонов, которого я привык считать отличным подпрапорщиком, — сказал генерал. — Как вы прошли, милостивый государь, мимо великого князя? Извольте отправляться в карцер!

Конечно, пошёл. Просидел я в карцере за свои неосторожные движения трое суток, причём всякий день начальник школы, проходя мимо карцера в обеденную залу, останавливался и выразительно говорил мне: «сты-ыдно, сты-ыдно!»

Подпрапорщики вместе с другими учебными заведениями располагались лагерем в Петергофе. Это потешное войско часто посещалось государем императором и пользовалось его и всей

с. 927

с. 928

царской фамилии милостью. Нечего и говорить, что усиленная строгость великого князя Михаила Павловича предупреждала возможность каких бы то ни было беспорядков и держала нас начеку.

Один раз государь император неожиданно посетил лагерь. Начиная обход с правого фланга, его величество услышал запах табаку около кавалерийских палаток.

— Кто здесь курил? — раздался его могучий голос.

Мы все повыскакивали из палаток, и юнкер Кавалергардского полка Перовский ответил:

— Виноват, ваше величество, я угощал у себя трубкой корнета Петрово-Соловаго.²

— Вот эту правду, — сказал государь император, — я очень люблю! Вы — благородные детки. Спасибо, Перовский!

1-го июля 1834 года Перовский был произведён в офицеры.

с. 929 Проходя далее по лагерю другого заведения, его величество опять услышал запах табаку. На вопрос: «кто курит?» — ответа не последовало, а потому дело пошло на разборку великого князя. Виновный не находился. Тогда великий князь приказал послать всё заведение в чистое поле, как он выразился, «на подножный корм». Через три дня виновный кадет отыскался, а высекли его, несчастного, самым серьёзным образом.

По возвращении из лагерей нам предстоял перед выпуском смотр его высочества по строевому образованию, так как экзамен по наукам был уже произведён перед лагерем. Строевой службе нас учил офицер Финляндского полка, Гольтгоер, и на что уж, кажется, мы были тверды в своём деле, но строгого судьи, великого князя, боялись очень, зная, как он круто подтягивал нас на ученьях. На этом, так сказать, выпускном смотре великий князь ставил всегда подпрапорщиков командирами взводов и батальона, для чего обыкновенно выводился 2-й батальон Семёновского полка.

Так было и теперь. В день смотра в манеж был выстроен батальон семёновцев, а мы, выпускные, стояли в одну шеренгу против батальона. Приехал великий князь. Поздоровавшись со всеми, его высочество стал назначать подпрапорщиков по взводам. Меня он сперва обошёл, а затем, окончивши назначения, вызвал вперёд.

— Ты будешь командовать батальоном. Смотри, не ври! — сказал его высочество, ласково положив мне руку на плечи.

Я хотя и трусил немного, но, конечно, обрадован был несказанно.

Смотр прошёл как нельзя лучше. Великий князь нас расхвалил. Генерала Шлиппенбаха представил к ленте святого Станислава, а преподавателя Гольтгоера к тому же ордену на шею. Все подпрапорщики были распущены по домам до производства в офицеры. Мне же великий князь приказал прийти на другой день к нему в Михайловский дворец обедать.

На другой день я явился во дворец. Великого князя не было. Навытяжку стоял я взволнованный в первой от лестницы зале, держа кивер на молитву. Вижу, подъехал к крыльцу великий князь. Подымаясь по лестнице, его высочество громко сказал:

— Здравствуй, молодец! Сложи-ка с себя амуницию, и пойдём.

Я повиновался. Он взял меня за руку, и мы отправились.

В маленькой обеденной зале, куда мы пришли, ожидали генералы: Бибиков и Сумароков, полковник Ростовцев, дежурный адъютант Огарёв и ещё два генерала, но кто такие, я не помню. Обращаясь к ним, великий князь сказал:

— Je vous recommande mon futur commandant de bataillon; il connait bien son affaire celui-là молодец!

— Рад стараться, ваше высочество, — сконфуженно, но твёрдо отвечал я.

с. 930 Посадил меня великий князь рядом с собою и во время обеда поил шампанским, вкус которого я мало тогда понимал.

После обеда, за которым великий князь с увлечением рассказывал про различные служебные эпизоды, гости разъехались, а я остался один.

— Умеешь ли ты грести вёслами? — спросил меня великий князь.

— Умею, ваше высочество, — отвечал я.

— Ну, так покатай меня в лодке.

Он закурил сигару, велел дать мне свою фуражку, и мы отправились кататься по канавкам в дворцовом саду.

²Петрово-Соловаго в прошлом (1834) году подъезжал юнкером на ординарцы и по принятому обычаю был тут же произведён в офицеры.

На вопрос великого князя, курю ли я, я отвечал утвердительно и рассказал всю школьную процедуру курения в печку со всеми предосторожностями, что его высочеству очень понравилось.

Затем мы возвратились во дворец. В одной из зал была устроена деревянная гора. Грести я оказался смышлёным, но к катанью с горы совершенно неспособным. Спускаясь с горы, я неудачно задел ногой за борт и перепугал сидевшую со мной великую княжну Марию Михайловну. Позднее, в Аничковском дворце, наследник цесаревич Александр Николаевич неоднократно заставлял меня принимать участие в этом удовольствии, наверное зная, что я собьюсь с пути, а то и совсем свалюсь.

Вскоре доложили великому князю, что приехал вытребованный им командир учебного сапёрного батальона, который накануне занимал караулы, и мы отправились в кабинет. Выходя к этому полковнику, великий князь сказал мне:

— Посмотри, как я его распушу!

И действительно распушил так, что у бедного немца (полковник был немец; фамилии его я не помню) коленки затряслись. Указав на найденные беспорядки, великий князь, возвышая постепенно голос, закончил свой выговор словами:

— Да я вас, милостивый государь, пошлю туда, куда Макар телят не загонял, куда ворон костей не заносит! Извольте идти!

Перепуганный полковник со страха едва двери нашёл.

— Каково я его отделал? — спросил меня смеясь великий князь.

Мне очень жаль было полковника, и у меня невольно сорвалось с языка:

— Слишком сильно. Он, бедняга, едва на ногах устоял.

Его высочество строго посмотрел на меня, показал пальцем на язык и внушительно мне погрозил.

Через некоторое время явился генерал Шлиппенбах со списком юнкеров, представляемых к производству в офицеры. В начале списка я с великою радостью увидел своё имя. Вообще это был счастливейший день моей жизни.

с. 931

III. Производство в офицеры. — Жизнь в полку. — Генерал-адъютант Микулин. — Кавказская экспедиция.

Ждали мы производства два месяца. Мундиры Брунетти, офицерские вещи Скосырева, шляпа Циммермана³ — всё это давно было готово. Недоставало лишь приказа. Наконец 22 ноября 1834 г. появился желанный приказ, и нас произвели.

Великий князь, показывая мне мою фамилию, спросил:

— Ты знаешь этого господина?

— Хорошо знаю, ваше высочество, — отвечал я.

— Он у меня молодец! Смотри, будь всегда таким, — заключил с улыбкой его высочество.

Не всегда, впрочем, великий князь поздравлял с производством так милостиво. Помню, например, в 1832 г. мне случилось быть при представлении по поводу производства товарища моего, князя А. И. Барятинского, и других. Великий князь сказал им следующее:

— Вы, маменькины сынки, недоучившись, выходите в армию, в надежде, что вас переведут в гвардию. Я вам отвечаю, что вам гвардии не видать как своих ушей!

Обещание это, по крайней мере в отношении Барятинского, который впоследствии был фельдмаршалом, мало оправдалось, но начинать службу с таким напутствием представлявшимся было нелегко.

В Преображенский полк нас попало всего 8 человек. Я был назначен во 2-ю роту 1-го батальона, где служил уже подпоручиком мой брат Евгений. Кроме чести служить в лейб-батальоне первого полка, мы пользовались ещё и преимуществом получать по 1000 р. столовых денег, что для молодых офицеров было очень кстати.

Командиром полка в то время, вместо ушедшего моего дяди Исленьева, был генерал-адъютант Микулин, а 2-й роты 1-го батальона — капитан Челищев, известный в Петербурге под прозвищем «l'ami des gois». Челищев был знаком со всеми посланниками, аккредитованными при нашем дворе, и, благодаря этому, был известен всем посещавшим наш двор коронованным

с. 932

³Тогдашние поставщики.

особам, почему его и прозвали «l'ami des rois».

В полковую жизнь я втянулся скоро, хотя особенно приятной она быть не могла. Томительны и тяжелы были учения того времени. Ружейным приёмам не было конца, и отчётливость в них требовалась баснословная. Скомандуют «кладсь» и целые $\frac{1}{4}$ часа проверяют, ровно ли держится всеми ружьё. Только и слышишь: во второй шеренге четвёртый подыми ружьё! в третьей шеренге первый опусти и так далее. Вообще, тогда ружьё назначалось больше для приёмов, нежели для стрельбы, и как штык оно было хорошо, как и теперь, но как огнестрельное оружие не годилось никуда. Правда, блестели ружья у всех великолепно, ибо чистились сплошь наждаком.

После ружейных приёмов начинались обыкновенно учебные шаги — скучнейшая часть муштры, и так каждый день. Обмундирование тогдашнее заставляло желать многого и стесняло все движения до крайности. Короткий без карманов мундир и глухие брюки — в обтяжку. Высокий воротник туго подпирал подбородок. Зимой суконные, а летом белые штiblеты — гармонии ради — должны были составлять одно целое с брюками и мундиром, а потому были тоже обтянуты. На застёжку лацканов требовалась масса времени. Кивера представляли собою тоже нечто неудобноносимое. Форма эта, конечно, усугубляла тяжесть строевого учения.

Командир полка Василий Яковлевич Микулин, хотя и был не в ладах с своим предшественником, моим дядей Исленьевым, но ко мне относился хорошо. Вообще, это был добрый человек и хороший служака, но характера легко воспламеняющегося, почему его и прозвали в полку «Василием-Горячим».

Перед царскими смотрами он беспокоился ужасно. Кажется, и не спал и не ел, а только беспрестанно требовал к себе и наставлял батальонных и ротных командиров, фельдфебелей и так далее. К нам, офицерам, обращался он перед смотрами с речью, заканчивая обыкновенно выражением надежды, что все мы явимся на смотр в новых, ни разу не надёванных мундирах. В нашем полку служил поручиком родной брат Василия Яковлевича, которого он недолюбливал за вялость и, главное, за неряшливость в одежде. Брату этому он никогда не позволял участвовать в полковых смотрах.

Не любил Василий Яковлевич, когда на смотре какой-нибудь полк покажется лучше нашего, и сердечно радовался неудачам конкурентов.

Самым опасным соперником считался хорошо вымуштрованный Семёновский полк. Помню, раз нашего генерала поздравили с отличным парадом.

с. 933

— Это что-о-о! — ответил Василий Яковлевич. — А вот заметили ли вы, — воскликнул он с радостной улыбкой: — что государь не благодарил три семёновских дивизиона?!

В 1836 году государь император приказал сшить преображенский мундир по мерке В. Я. Микулина и, прислав его в полк, повелел офицерам поднести его командиру в день 6-го декабря. Нужно было видеть умиление, искреннюю радость и восторг Василия Яковлевича в этот торжественный момент. Он попросил повторить ему слова государя императора и, прослушав их с благоговением, заплакал, как ребёнок, а затем, успокоившись, тут же завещал похоронить его непременно в этом жалованном мундире.

Заканчивая воспоминания о Микулине, я должен упомянуть, что в Зимнем дворце имеется картина (о которой я уже говорил выше), изображающая встречу императором Николаем I-м 14-го декабря 1826 года вызванного им первого батальона Преображенского полка, причём во главе батальона стояли мой дядя Исленьев и В. Я. Микулин, тогда ещё молодой офицер.

Годовые смотры производились обыкновенно в Инженерном манеже великим князем Михаилом Павловичем. Тут уж проходилась весь устав, что называется, «на пяточке». Ученье полковое, батальонное, стрелковое; затем все учебные шаги и наконец церемониальный марш во всех строях. На смотры великого князя мы никогда не шли с уверенностью. Успех зависел целиком от настроения его высочества.

Предположит великий князь по тем или другим соображениям, что такой-то, например, зазнался или разленился, и тогда хватай избранник хоть звёзды с неба — бури ему не миновать. А попало одному — неудачен весь смотр.

Вообще же великий князь настаивал на том, чтобы офицеры и солдаты были заняты в полку как можно больше, потому что праздность, как говаривал он, есть мать всех пороков. Даже и после хороших смотров нам не давалось отдыху ни одного дня.

— Хорошо-то хорошо, — заметил раз великий князь после удачного смотра, — но вот тут чего-то недостаёт, — сказал он, указывая на грудь: — пусть поищут, работой найдут.

И искали мы упорно и безуспешно.

При усиленных фронтowych занятиях и строжайшей дисциплине, конечно, и отступлений от правил почти не было.

Вне службы великий князь был всегда приветлив и доступен; он любил и пошутить с молодёжью.

Великий князь особенно наказывал стоявших в карауле и всегда старался найти малейшую неисправность. Но и мы в карауле не дремали. Киверов мы обыкновенно не снимали и очень быстро, почти моментально, выскакивали на звонки, которые, надо отдать справедливость, раздавались беспрестанно и днём и ночью. Начальники наши и дежурные по караулам тоже были начеку.

При караулах во дворце, куда я часто назначался, бдительность наша, конечно, усиливалась ещё более, и мы так приспособились, что никогда не проглядывали нашего августейшего шефа государя императора. Но для такого успеха мы прибегали к некоторой уловке. В те времена часовые в доказательство своего бодрствования время от времени должны были кричать: «Слуша-а-ай!» Пользуясь этим, мы приказывали часовому, стоявшему на углу дворцовой ограды, как только государь, возвращаясь домой, пройдёт мимо него, кричать во всю мочь: «Слуша-а-ай!» и таким образом своевременно извещать нас о появлении его величества.

Государь император часто приезжал из театра на простом извозчике, и раз я был свидетелем случая, когда недоумевающему вознице вынесли 25-рублёвую ассигнацию, сказав, что он привёз государя. Услышав это, изумлённый извозчик начал целовать свою лошаёдку, спрашивая её, знает ли она, кого привезла.

В 1837 году я, произведённый уже в поручики, был командирован согласно своему желанию на Кавказ в Кабардинский полк, где принимал участие в экспедиции и всех делах против горцев под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова. Во одном из дел я был легко ранен в ногу, но оставался в строю, так как о ране не заявлял.

На Кавказе я встретил бывших моих товарищей, Лермонтова и Мартынова, несчастная ссора которых уже принимала в то время характер непримиримой обоюдной злобы.⁴

IV. Аничковские балы. — Император в роли дирижёра танцев. — Бородино. — Помолвка и смерть великой княжны Александры Николаевны. — Смерть моего отца. — Раздел.

С Кавказа я возвратился в 1838 году и никаких особенных перемен в полку не нашёл.

После происшедшего в Зимнем дворце пожара государь император перенёс свою резиденцию в Аничковский дворец. Роскошные приёмы и балы, украшенные тремя царскими дочерьми, привлекали к нашему двору много иностранных принцев. Получить приглашение на эти балы составляло верх желаний светской молодёжи. Для нас, военных, существовала двоякая форма приглашений: на большие балы назначалось обыкновенно по столько-то офицеров от полка, а на малые — призывались избранные лучшие танцоры, в число которых по временам попадал и я.

Аничковские вечера были особенно оживлены участием в них их императорских величеств. Государыня императрица танцевала котильоны и кадрили, а государь император Николай Павлович становился обыкновенно в первой паре «гроссфатера»⁵ и здесь, при затейливых фигурах, изобретавшихся нашим высоким дирижёром, возникало полное, непринуждённое веселье. Вот одна из этих фигур.

Пройдя попарно, умеренными шагами, по всем комнатам дворца, танцующие составляли общий круг в большой зале, и тут начиналась так называвшаяся «фуга». Государь император выходил со своей дамой на середину, а затем, не разрывая цепи, все прочие пары наматывались клубком вокруг первой как можно теснее. Когда кубок был готов, государь первый начинал прыгать, а за ним и все остальные. Получалась какая-то толчея, на которую нельзя было смотреть без смеха, но все были веселы и довольны.

Я иногда имел честь танцевать с великими княжнами, но никогда не удостоился чести быть кавалером её величества. Один раз, когда я в котильоне что-то напутал, государыня, ударив меня слегка по руке, сказала:

⁴Кавказские воспоминания генерала Самсонова были напечатаны отдельно.

⁵Танец тех времён.

— «Vous êtes un maladroît!»

Это, впрочем, напоминает случай с ординарцем у одной высокой особы. Его спрашивают в казармах:

— Говорил ли с тобой его величество?

— Как же, — отвечает он: — говорил. Я подавал ему шинель, а он сказал: не так, болван!

В 1839 году стали готовиться к празднествам по случаю постановки памятника на Бородинском поле, куда должны были отправляться войска. Гвардейские дивизии составляли сводные батальоны из 1-х гренадёрских рот. Первый батальон сформировался из рот его величества полков лейб-гвардии: Преображенского, Семёновского, Измайловского и Егерского. Нашей государевой (первой) ротой командовал флигель-адъютант Чернышёв, а всем гвардейским отрядом — состоявший при корпусе барон И. И. Мунк.

Поход этот, происходивший в прекрасную летнюю погоду, был одной из самых приятных военных прогулок. Между нами образовались, конечно, кружки, соединявшиеся не только на дневках и ночлегах, но при возможности и на бивуаках. Наш кружок составляли Преображенского полка я и Демидов, Измайловского Баранов и Егерского Вырубов. Офицерам дозволено было иметь верховых лошадей, а потому во время пути у нас происходили скачки, охота на разную дичь и так далее.

с. 936

На Бородинском поле вырос временный городок, в котором жили почтенные участники Бородинского боя и приглашённые иностранцы. Устроены были гостиницы, магазины, даже театры. Впрочем, нам, офицерам, редко удавалось посещать городок, ибо великий князь Михаил Павлович поместился в нашем лагере, а царская палатка стояла на правом фланге нашей роты. По приезде государя императора все караулы, даже и у царской палатки, были сняты, равно как и часовые. Зато, конечно, на дежурных лежала полная ответственность за тишину и порядок.

Раз утром посетил нас по соседству великий князь Михаил Павлович в сюртуке без эполет и с сигарою во рту. Я был дежурный по батальону и встретил его высочество.

— Кто был вчера дежурный? — спросил великий князь.

Я ответил.

— Посадить его под арест, — продолжал его высочество. — Вчера был такой шум и гвалт в унтер-штабе, что государь заснуть не мог. Смотри, чтобы у тебя этого не было!

Конечно, после такого предупреждения я решил не спать всю ночь. Периодически посылал патрули, а по возвращении их обходил лагерное расположение сам. Оказалось, что предосторожности эти я принимал не напрасно.

В один из обходов я услышал по направлению дороги шум колёс. Иду навстречу. Вижу, тележка парой подъезжает к самой царской палатке, где и останавливается. Из неё выходит какой-то статский и уже берётся за полотно ставки, чтобы войти. Броситься к нему и схватить сзади в объятия было делом одной минуты. Схвативши, я потащил своего пленника в лагерь, и здесь оказалось, что этот господин — писарь барона Вревского, присланный за справкой к придворному чиновнику Лосеву.

Хорош бы я был, если бы этот почтенный писарь успел нанести свой ночной визит его величеству. Только случай избавил меня от такой крупной и неприятной истории.

Осмотр и изучение местности, на которой происходила борьба нашего воинства с двенадцатью языками, освящение памятника при сборе всех войск и, наконец, выступление наше в Москву составляли ряд занятий, выходящих из круга нашей монотонной службы.

В Москве войска были размещены по обывательским домам, владельцы которых испросили разрешение продовольствовать их на свой счёт. В нашем доме было 16 человек моего стрелкового взвода.

В 1843 году великая княжна Александра Николаевна была помолвлена с принцем Гессен-Кассельским. Полк узнал об этой помолвке 9 августа лично от государя императора и её высочества на бивуаке во время манёвров близ Ропши.

с. 937

— Вы моя семья, — сказал государь, — не могу не разделить с вами нашей семейной радости. Поздравьте её: она невеста.

Августейшая невеста подвела к полку принца Кассельского и сказала:

— Вот мой жених! Любите его так, как вы нас всех любите!

Но недолго продолжалось счастье её высочества. 29 июля 1844 г. великая княгиня скончалась. На погребении присутствовал наш полк, причём государь император, обращаясь к нам, сказал следующее:

— Спасибо, преображенцы, за вашу к нам любовь! Вы первые поздравили покойную невестой, — вас же позвал я отдать ей последний долг!

Такие два знаменательные события мы, преображенцы, решили увековечить сооружением иконы в память усопшей великой княгини.

Узнав об этом, его величество прислал в полк следующее собственноручное письмо на имя нашего командира, генерала Жеркова:

Господин генерал-майор Жерков!

Я известился о желании офицеров лейб-гвардии Преображенского полка получить наше согласие, дабы в память участия, принятого полком в последних почестях усопшей любезнейшей дочери нашей великой княжне Александре Николаевне, поставить от себя образ в устраиваемой нами часовне там, где переселилась в вечность покойная наша дочь.

Приняв с живейшим чувством признательности то новое доказательство усердия и преданности господ офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, я с особым удовольствием повелел желание их исполнить, да будет образ сей и на будущее время знаком приверженности гвардии к семейству нашему и взаимству наших к ней чувств.

Вам же поручаю от лица всего нашего семейства уверить всех господ офицеров полка, сколь живо в сердце нашем ценим мы намерение, внушившее сею трогательную мысль.

Пребываю полку и вам всегда благосклонный

Николай.

В 1859 году умер мой отец. Всё наше семейство (3 брата и 4 сестры) собралось в родовое гнездо — село Бектышево. Трогательны были его похороны. Отец мой обладал всеми качествами честного и благоразумного крепостника, и, несмотря на его строгость, народ притекал к нему со всех сторон с полным доверием, как к своему защитнику и благотворителю. За гробом его шли тысячи простолюдинов, помнивших добрые дела усопшего.

Во время раздела нашего имущества мне досталось по жребию Бектышево — наше главное владение. Но, принимая во внимание, что служба не давала мне возможности заниматься хозяйством (я в то время после командования полком состоял в чине генерал-майора при гвардейском корпусе и постоянно бывал в командировках), и главное, что у меня не было детей, я уступил Бектышево своему среднему брату, Евгению, находившемуся уже в отставке. Старшему брату Александру, бывшему тогда свитским генералом,⁶ досталось село Кудрявцево, а я взял себе незастроенные земли. Впоследствии мною была выстроена и ныне существующая усадьба в пустоши Коровино, где прежде была довольно известная Самсоновская охота. Хороша была эта охота, но слишком велика для наших средств. Пришлось её уничтожить. Большинство собак было продано мною царской фамилии, а остальных я раздарил.

В 1881 году, после командования 2-м армейским корпусом, я, будучи генерал-лейтенантом, был назначен в Бозе почивающим императором Александром III на крайне ответственную должность санкт-петербургского коменданта в эту годину глубокой скорби, постигшей наше отечество...

⁶Впоследствии владимирский губернатор и почётный опекун.